

*Все персонажи и события
романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

ГЛАВА 1

СХВАТКА В ЛЕСУ

Новгородское княжество
XIII век

Путь княжеских дружинников из Торжка к Новому городу, где княжил князь Олекса Ростиславич, пролегал через лес. Сам князь, в крытом зипуне да в собольей шапке, ехал на гнедом скакуне Кудряше. Впереди него двигался боярский сын Бронеслав, позади на рыжей кобыле трусил дядька Досифей. Их сопровождали полтора десятка верных дружинников.

В лесу быстро темнело. Отряд конников перешел на рысь, стараясь держаться как можно ближе друг к другу, однако, выехав на хрупкую поверхность болотца, всадники сбавили ход и растянулись в цепочку. Тонкий лед опасно потрескивал. Вскоре отряд снова оказался в лесу, и копыта лошадей погрузились в рыхлый ноздреватый снег.

Олекса громко позвал:

— Эй, Бронеслав!

Тот придержал коня:

— Слушаю, княже.

— Возьми трех дружинников да скачи вперед. Кажись, заблудились. И посмотри — нет ли где татар.

— Кого взять-то?

— Бери кого пожелаешь.

— Дядьку Досифея дозволишь? — спросил Бронеслав.

— Зачем он тебе?

— Старый черт вроде филина — мышь в темноте заметит.

— Бери, если нужен, — ответил Олекса.

Бронислав поднял руку и выкрикнул:

— Досифей! Степан и Вавила! Айда за мной!

Он первым ускакал в темноту, за ним — трое других.

Отряд во главе с князем Олексой неспешно продвигался вперед. Над лесом встала полная луна, в ее свете и отблеске белого снега легко распознавалась окрестность и торился путь между деревьями.

Вскоре лес поредел, впереди показалась река. Кудряш вдруг заржал, присел на задние ноги и шархнулся в сторуону.

Князь натянул повод и гикнул:

— Стой, чертушка! Не балуй!

Однако, оглядевшись, увидел у кромки леса всадников. Они сгрудились в кучу и наблюдали за княжеской дружиной.

Олекса подал знак своим воинам, повелевая остановиться.

— Кто такие?! — крикнул он, обращаясь к молодому пареньку, возглавляющему отряд конников.

Тот лихо ответил:

— Мы — люди посадские!

— Откуда будете?

— Из Новь-города!

— Врешь! Новгородские ночью за городской сторожей, в домах своих спят.

— Правду говорю! — крикнул незнакомец и спросил задиристо: — Тебе-то какая забота?

Один из княжьих дружинников вытащил из ножен меч и подался вперед:

— Довольно! Знай, против кого говоришь!

Князь остановил его властным окриком:

— Стой, Кондрат! Дай мне поговорить с юношей неразумным.

Развернув коня, Кондрат отступил со словами:

— Смерд сиволапый!

— Кто таков? — Князь обратился к предводителю небольшого отряда.

Тот с вызовом ответил:

— Раб божий!

— Добро... — пробормотал Олекса в усы и, усмехнувшись, громко сказал: — Видать, дело твое нечисто, ежели супротив меня лаешься!

Но даже после таких его слов дерзкий юноша не смутился и спеси не убавил:

— Езжай своей дорогой, не спрашивай!

Его спутники перестроились, и в свете яркой луны в их руках блеснули стальные клинки.

— Прикажи, княже... — гарцуя на коне, взмолился Кондрат.

Но в тот же миг у княжеского уха просвистела стрела и вонзилась в дерево. Вторая стрела, такая же трехгранная, красная, впиалась в шею дружинника. Схватившись за шею, Кондрат рухнул на снег.

Кто-то крикнул:

— Татары!

Олекса обернулся и увидел, что с болота на маленьких лохматых лошадях к ним скачут всадники. С диким гиканьем, с копытами наперевес они мчались по неглубокому снегу.

— К бою! — крикнул князь и скинул с себя меховой зипун.

Дружина развернула коней. Татары вылетели на освещенную лунным светом поляну, остановились и пустили в дружинников стрелы.

— Рази окаянных! — Олекса выхватил из ножен меч и первым бросился в бой. Вскоре он и его дружинники сшиблись с татарскими воинами.

На Олексу налетел огромный татарин, но князь изловчился и отрубил ему руку вместе с ятаганом, сшиб татарина с лошади, и Кудряш втоптал его в снег. Следующего, кто повернулся, Олекса разрубил до самого пояса.

Татары то рассыпались, словно отступая до края поляны, то вновь бросались в бой: рубились и кололи острыми пиками.

Дружинники сгруппировались в центре поляны спиной к спине, отбивая налеты противника. Трое из оставшихся в живых уже потеряли коней и сражались пешими. Отчаянно звенели мечи, свистели стрелы, умирая, кричали раненые. Испуганные кони спотыкались о трупы убитых и, падая, калечили своих седоков.

В жестокой схватке полегло немало воинов, но татар в живых осталось больше, чем русских.

— Держитесь, други! — Олекса рванулся в сечу и направил Кудряша в гущу татар.

И снова — лязг железа, визг татар, лошадиное ржание, крики раненых. Прямой длинный меч сверкал в княжеских руках, когда, не удержавшись в седле, Олекса рухнул на снег. Готовясь к смерти, князь вдруг увидел, что к месту боя скачет отряд во главе с дерзким юношей. Мальчишка мощно вклинился в ряды татар. Гибкий, быстрый, в глухом кожаном шлеме, он ловко рубился, отражал удары вражеских сабель и подбадривал своих воинов, сверкая горящими очами:

— Побивай татарскую нечисть!

Воспользовавшись удобным моментом, Олекса вскочил на Кудряша. Теперь русские дрались каждый сам по себе, и на каждого из них приходилось по пять-шесть конных татар. Пеших воинов, потерявших в бою коней, татары порубили прежде других. Один за другим исколотые и порубленные дружинники скатывались с седел и падали в измолотый копытами снег.

Стрелы и меч не пощадили князя Олексу. Он был ранен, когда увидел, что юноша, геройски бившийся рядом, упал с коня, пронзенный татарской пикой. Собрав последние силы, Олекса обрушил меч на голову его противника, после чего наступила жуткая тишина.

Князь спешил и огляделся вокруг. Вся поляна была усеяна трупами. Когда он решил, что кроме него в живых никого не осталось, то вдруг услышал стон. Это стонал юный воин.

Князь подозвал Кудряша, поднял юношу на руки и перекинул его поперек крупа коня. Потом взял повод и повел Кудряша по льду в лес на другом берегу реки.

В глухом лесу, в избушке из необтесанных грубых бревен, стены которой были завешаны пучками сухих трав и корней, у окна сидел старец. Лампада на столе мерцала слабым колышущимся светом.

Дверь избушки с грохотом распахнулась. На пороге стоял князь Олекса с окровавленным воином на руках. Ввалившись в избу, он грозно спросил:

— Ты будешь травник? — оглядев убогое нутро избушки, подошел к лежанке и опустил воина на лохматую медвежью шкуру. — Спаси его!

Старик подошел к раненому, пощупал за руку, заглянул в дырку кольчуги, сдавил, придержав кровь. Потом взглянул на Олексу и скорбно покачал головой:

— Помрет... Не смогу.

— Вари свои зелья! — Олекса вытащил меч.

Старик-травник развязал ремни и трясущимися руками стянул с головы воина кожаный шлем. Но, как только шлем упал на лежанку, из-под него шелковой змеей выпросталась¹ русая девичья коса.

ГЛАВА 2 ЗЛОЙ РОК СУДЬБЫ

Наше время

Холодным октябрьским вечером на территорию пансионата «Рыбачий» въехала автоколонна, состоявшая из фургона, легковых автомобилей и зашторенного автобуса с надписью «Мосфильм».

---

¹ Высвободиться, выбраться изнутри чего-либо.

Пансионат «Рыбачий», как и обещало название, располагался на берегу прекрасного озера, одного из тех малых озер, которые рассыпались вблизи Селигера. Два десятка деревянных домов, пляж и небольшая столовая с крытым мангалом. В летний сезон здесь было полно отдыхающих, однако к концу сентября большая часть гостей разъезжалась, высвобождая пансионатские дома.

Автомобильная колонна остановилась у ближайшего дома, возле которого стояла темноволосая женщина и зябко куталась в платок.

Из легковой машины выскочил маленький толстяк и, перескочив через лужу, крикнул:

— Здравствуйте! Мы с вами говорили по телефону!

— Иван Иванович Пилютик? Помощник режиссера? — Женщина приветливо улыбнулась. — Мы ждем вас. Но где же Надежда Ефимовна?

Пилютик обернулся к машине и распахнул заднюю дверцу. Оттуда тяжело вылезла женщина лет шестидесяти, одетая в русский сарафан и платок поверх вышитого повойника¹. Иван Иванович услужливо накинул на ее плечи тулуп.

— Знакомьтесь, Надежда Ефимовна Бирюкова, народная артистка России. А это Елизавета Петровна, директор пансионата, — представил он женщин друг другу.

Елизавета Петровна улыбнулась и спустилась с крыльца:

— Рада знакомству!

— Взаимно, — ответила Бирюкова. Она выглядела утомленной.

— Как доехали? — заботливо поинтересовалась директриса, было заметно, что ей льстит это знакомство.

---

¹ Старинный головной убор русских женщин.

Актриса же, напротив, была не расположена к разговорам:

— Мне нужно в ванную.

— Прошу, в доме все приготовлено. — Елизавета Петровна отступила и указала на дверь. — Ваша комната — первая справа.

— Что значит комната? — Поднявшись на крыльцо, Бирюкова остановилась. — Мне обещали отдельный номер.

— У нас нет номеров. У нас избы. Ваша — десятая.

— Куда ты меня привез? — Бирюкова сердито развернулась к Пилютику.

— На сто километров вокруг нет ни одного приличного отеля, — ответил помощник режиссера. — Это лучший вариант.

— Тогда едем в Москву!

— До Москвы — пять часов пути. Не вы ли торопили меня?

— Черт с тобой! — сказала народная артистка и вошла в дом.

Елизавета Петровна вопросительно взглянула на Пилютика. Он объяснил:

— Представьте: последний съемочный день в экспедиции. Режимные¹ съемки в лесу, и вдруг гаснет свет. Виктор Карлович, режиссер фильма, кричит на бригадира осветителей, тот бежит к инженеру, инженер — к «лихтвагену»². Далее — бесконечно длинная пауза. Вы не представляете,

---

¹ Киносъемка в сумерках.

² Специальный дизель-генератор на автомобильном шасси для электроснабжения съемок в условиях экспедиции.

что мне пришлось пережить за эти сорок минут! Актеры — склочный народец, набились в костюмерный автобус, бранятся. Водитель включил печку, а та возьми да сломайся. Сорок минут в темноте, в холоде, посреди леса. Кому-то может показаться, что это не так уж и долго. Но для меня эти сорок минут длились целую вечность.

— Вам нужно было просто уехать.

Пилютик грустно скривился:

— Мы должны были вернуться сегодня в Москву. Если бы не последняя сцена, которую не успели доснять. Три минуты экранного времени. — Он глубоко вздохнул. — Злой рок судьбы!

— Надо же...

— В конце концов инженер объявил о неисправности генератора. Режиссер крикнул: «Сделай хоть что-нибудь!» Но инженер только руками развел. Здесь, говорит, нужен сложный ремонт.

— И, что же вы?

— Дело не во мне... Съемки, естественно, свернули. Статисты в гриме и костюмах мерзнут в автобусе. Народная артистка Бирюкова, пара заслуженных и главная героиня — ждут в автомобилях. Ни переодеться, ни, пардон, в туалет...

— Теперь понимаю. — Елизавета Петровна опустила глаза. — В таком случае мы должны поспешить. Сколько у вас людей?

— Вместе с техперсоналом — шестнадцать. Из них трое женщин.

— Что же вы сразу не сказали? — всплеснула руками директриса. — Я-то думала, что из женщин только Бирюкова.